

Энецкие показатели каритива и их прасамодийские источники

Урманчиева Анна Юрьевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); urmanna@yandex.ru

В статье рассматриваются три производные формы с каритивным значением, представленные в энецком языке: глагольная с показателем *-se* ('не обладать чем-либо'), атрибутивная с показателем *-seḁa/-seḁe* ('не обладающий чем-либо') и адвербиальная с показателем *-śuḁi?* ('будучи без чего-либо'). Обсуждаются самодийские соответствия этих форм (как вполне очевидные, так и более гипотетические). Этимология показателя атрибутивного каритива *-seḁe* прозрачна и хорошо ощущается и на синхронном уровне: формы атрибутивного каритива (*-se-ḁe*) являются имперфективными причастиями от глагольных каритивных форм (*-se*). Образование имперфективного причастия в энецком в данном случае сопровождается нетривиальными морфологическими явлениями: форма причастного показателя (*-ḁe*) с фрикативным, а не смычным согласным указывает на предшествовавший причастному показателю глайд. На основании нганасанских (показатель адвербиального каритива *-kaj*) и маторских (показатель атрибутивного каритива *-gəsta/-kəsta*) соответствий реконструируется праформа с глайдом **j*: для глагольного каритива — **-kaj*, для атрибутивного каритива — **-kaj-ntā(-jḁ)*. Менее тривиальна этимология показателя адвербиального каритива *-śuḁi?*. Финальный *-?* является рефлексом прасеверносамодийского адвербиализатора; этот показатель используется при образовании наречий от прилагательных и вызывает перегласовку предшествующего гласного. Соответственно, атрибутивная форма *-śuḁi?* образована от гипотетической атрибутивной формы ***śuḁe*, которую также естественно интерпретировать как причастную. Алломорф причастного показателя и в этом случае указывает на предшествующий ему прасамодийский глайд. В маторском есть еще один показатель каритива *-gəda/-kəda*, который может восходить только к праформе **-kaw-ntā(-jḁ)*: праформа без глайда дала бы в маторском ***gənda/-kənda*, праформа с глайдом **j* дает другой уже упоминавшийся выше маторский каритивный показатель *-gəsta/-kəsta*. Глайд **w* может также объяснить появление огубленного гласного в энецком *-śuḁi?*.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, каритив, компаративистика, реконструкция

ENETS CARITIVE MARKERS AND THEIR PROTO-SAMOYEDIC SOURCES

Anna Yu. Urmanchieva, Institute of Linguistic Studies, RAS (St. Petersburg); urmanna@yandex.ru

The article examines three caritive markers in the Enets language: a verbal one *-se* ('not to have something'), an attributive one *-seḁa/-seḁe* ('(a person) not having something') and an adverbial one *-śuḁi?* ('being without something'). It analyzes their Samoyedic cognates, both quite transparent and less obvious ones. The etymology of the attributive caritive marker is quite transparent even at the synchronic level: the forms of the attributive caritive (*-se-ḁe*) are imperfective participles from verbal caritive forms (*-se*). However, the formation of the imperfective participle in Enets in this case is accompanied by a complicated morphological phenomenon: the form of the participial morpheme (*-ḁe*) with a fricative rather than a stop points to a glide that precedes that participial marker. Based on its Nganasan (adverbial caritive marker *-kaj*) and Mator (attributive caritive marker *-gəsta/-kəsta*) cognates, a protoform with the glide **j* is reconstructed: for the verbal caritive, **-kaj*, for the attributive caritive, **-kaj-ntā(-jḁ)*. The etymology of the adverbial caritive marker *-śuḁi?* is somewhat less obvious. The final *-?* is a reflex of the Proto-Northern Samoyedic adverbializer, which is used to form adverbs from adjectives (and causes the change of the quality of the preceding vowel). Accordingly, the adverbial form *-śuḁi?* is formed from the hypothetical attributive form ***śuḁe*, which also resembles a participial form (*-śu-ḁe*). The allomorph of the participial marker (*-ḁe*) also points to a preceding etymological glide. In Mator, there is another caritive marker *-gəda/-kəda*, which can only go back to **-kaw-ntā(-jḁ)*: the protoform without the glide would have resulted in Mator ***gənda/-kənda*, the protoform with the glide **j* results in another Mator caritive marker *-gəsta/-kəsta*, mentioned above. The glide **w* can also explain the appearance of the close back rounded vowel in Enets *-śuḁi?*.

Keywords: Enets language, Samoyedic languages, caritive, comparative studies, reconstruction

В лесном и тундровом энецких языках представлен ряд производных с каритивным значением (обозначающих отсутствие некоторого предмета, необладание им). В существующих описаниях лесного энецкого упоминаются следующие формы каритива: в [Сорокина 2010: 148—150] отмечена только адвербиальная форма *-šida/-đida/-tiđa* (указано, что показатель является составным и второй его элемент на синхронном уровне совпадает с одним из причастных показателей), в [Siegl 2013: 171—172] сообщается, что в лесном энецком существуют:

— во-первых, отыменные глаголы со значением необладания с показателем *-ši/-đi/-ti*:

enči osa-ši

person meat-CAR.3SG

‘The person is without meat’ [там же: 172],

— во-вторых, регулярная причастная форма от таких глаголов с показателем *-šida/-đida/-tiđa*, употребляющаяся в атрибутивной функции:

osa-ši-đa enči

meat-CAR-PTCP.IPF person

‘person without meat’ (Lit. ‘meatless-being person’) [там же].

Ф. Зигль отмечает также, что эти две формы «глагольного» каритива «не надо смешивать с прототипическим именным каритивом с показателем *-šud/-đud/-tūd*, который, как и следовало ожидать, синтаксически употребляется в обстоятельственной функции:

tori-jet bednye kari-šud kaji-bi-ši-jet

such-EMPH poor[ADJ.RU] fish-CAR remain-PERF-3PL.PST-EMPH

‘So, the poor remained without fish’» [там же].

Таким образом, в [Siegl 2013: 171—172] перечислены три представленные в лесном энецком формы каритива и описаны их синтаксические функции. Если взаимосвязь первых двух форм вполне очевидна и отмечена в обоих процитированных исследованиях, отношение этих двух форм к форме с показателем, зафиксированным в работе Ф. Зигля в виде *-šud/-đud/-tūd*, остается неясным. Является ли эта последняя форма морфологически элементарной? Связана ли она по происхождению с двумя другими формами с каритивной семантикой?

Словарные материалы Е. А. Хелимского по тундровому энецкому языку из архива Института финно-угроведения Гамбургского университета позволяют уточнить формы каритивных показателей: за исключением ожидаемой разницы в гласном причастного показателя (*-đa* в лесном энецком, *-de* в тундровом энецком, ср., например, л. эн. *usube-đa*, т. эн. *usube-de* ‘стоящий чумом’), они совпадают для этих двух языков. Глагольная репрезентация каритива имеет показатель *-se/-de/-te*, производная от нее при помощи причастного показателя атрибутивная репрезентация имеет показатель *-sede/-dede/-tede*, ср. *ada* ‘мысль’ > *adase-* ‘быть глупым’ > *adasede* ‘глупый’. Адвербиальная репрезентация имеет показатель *-šudi?/-đudi?/-tūdi?*, ср. *sei* ‘глаз’ > *seišudi?* ‘вслепую’. В сравнении с материалами Ф. Зигля в моих полевых материалах по лесному энецкому каритивные показатели зафиксированы в форме, более близкой к той, которая приведена Е. А. Хелимским для тундрового энецкого, ср. следующие записи от А. С. Пальчина: атрибутивная репрезентация *seiseda* ‘слепой’ (< *sei* ‘глаз’), *si?orosedā* ‘немой’ (< *si?oro* ‘язык’), адвербиальная репрезентация *tie-šudi? ŋa* / олень-CaritAdv быть.Aor.s3 ‘он без оленей’.

Таким образом, архивные словарные материалы Е. А. Хелимского по тундровому энецкому и мои полевые словарные материалы по лесному энецкому позволяют уточнить фонетический облик трех каритивных показателей энецкого языка (см. таблицу 1). С опорой на это можно предложить прасамодийские (ПС) праформы и этимологию трех энецких каритивных показателей. В частности, будет показано, что, несмотря на несходство на синхронном уровне, в диахронии все три показателя могут быть связаны между собой.

Варьирование начального согласного каритивного показателя морфонологически обусловлено и зависит от типа основы: после вокалической основы *-s/-ś* (*page* ‘одежда’ > *pagesede* ‘не имеющий одежды’; *pagešudi?* ‘без одежды’), после основы на сонант (*-n, -r, -m*) *-d* (*ti?* ‘жила’, ПС **cen* > *tīdudi?* ‘без жилы’), после основы на шумный согласный *-t* (*se?* ‘лицо’, ПС **kat* > *sešudi?* ‘без лица’). Вариант с *-s/-ś* является с точки зрения энецкого материала исходным, и в дальнейшем я буду указывать только его. Сопоставление приведенных в таблице данных позволяет уточнить формы показателей каритива для лесного и тундрового энецкого:

— глагольный л. эн., т. эн. *-se*;

— атрибутивный л. эн. *-seda*, т. эн. *-sede*;

— адвербиальный л. эн., т. эн. *-šudi?*.

Таблица 1. Показатели каритива в лесном и тундровом энецком по опубликованным материалам и полевым данным

Каритив:	лесной энецкий		тундровый энецкий	
	опубликованные материалы		полевые данные	
	Сорокина 2010	Siegl 2013	А. Ю. Урманчиева	Е. А. Хелимский
глагольный		- <i>śi</i> - - <i>đi</i> - - <i>ti</i> -	- <i>se</i> ~ - <i>śi</i> - - <i>de</i> ~ - <i>di</i> - - <i>ie</i> ~ - <i>ti</i> -	- <i>se</i> - <i>de</i> - <i>ie</i>
атрибутивный	- <i>śida</i> - <i>đida</i> - <i>tida</i>	- <i>śida</i> - <i>đida</i> - <i>tida</i>	- <i>se</i> <i>da</i> ~ - <i>śi</i> <i>da</i> - <i>de</i> <i>da</i> ~ - <i>di</i> <i>da</i> - <i>ie</i> <i>da</i> ~ - <i>ti</i> <i>da</i>	- <i>se</i> <i>de</i> - <i>de</i> <i>de</i> - <i>ie</i> <i>de</i>
адвербиальный		- <i>śu</i> <i>δ</i> - <i>du</i> <i>δ</i> - <i>tu</i> <i>δ</i>	- <i>śu</i> <i>di</i> ? - <i>du</i> <i>di</i> ? - <i>tu</i> <i>di</i> ?	- <i>śu</i> <i>di</i> ? - <i>du</i> <i>di</i> ? - <i>tu</i> <i>di</i> ?

Атрибутивные каритивные формы, как уже было отмечено выше, действительно являются причастиями (а именно, имперфективными причастиями) от глагольных каритивных форм. Форма причастного показателя дает материал для реконструкции праформы исходного, глагольного показателя каритива. В лесном и тундровом энецком, как и в тундровом ненецком, причастие имеет несколько алломорфов:

Таблица 2. Алломорфы причастного показателя в лесном энецком, тундровом энецком и тундровом ненецком

	Основы на гласный			Основы на сонант	Основы на шумный
	лесной и тундровый энецкий				
	<i>da</i> <i>δo</i> - 'идти'	<i>tō</i> - 'прийти'	<i>toru</i> - 'быть закрытым'	<i>bexer</i> - 'переходить реку вброд'	<i>mis</i> - 'дать'
Прич.	л. эн. <i>da</i> <i>δo</i> - <i>da</i> т. эн. <i>da</i> <i>δo</i> - <i>de</i>	л. эн. <i>tō</i> - <i>da</i> т. эн. <i>tō</i> - <i>de</i>	л. эн. <i>toru</i> - <i>da</i> т. эн. <i>toru</i> - <i>de</i>	л. эн. <i>bexer</i> - <i>da</i> т. эн. <i>bexer</i> - <i>de</i>	л. эн. <i>mi</i> - <i>ta</i> т. эн. <i>mi</i> - <i>te</i>
	тундровый ненецкий				
	<i>yadø</i> - 'идти'	<i>to</i> - 'прийти'	<i>tolo</i> - 'быть закрытым'	<i>yesyer</i> - 'переходить реку вброд'	<i>myiq</i> - 'дать'
Прич.	<i>yadø</i> - <i>na</i>	<i>to</i> - <i>da</i>	<i>tolo</i> - <i>da</i>	<i>yesyer</i> - <i>ta</i>	<i>myi</i> - <i>ta</i>

Данные таблицы 2 показывают, что у основ, которые с синхронной точки зрения в энецком и ненецком заканчиваются на гласный, причастный показатель может выступать в двух видах: л. эн. *-da*, т. эн. *-de*, т. нен. *-na* либо л. эн. *-da*, т. эн. *-de*, т. нен. *-da*. Как показано в [Guszev, Urmancsijeva 2018], второй ряд алломорфов представлен в основах, которые этимологически оканчивались на один из глайдов, ПС **j* или ПС **w*. В таблице 2 глагол 'прийти' иллюстрирует основу на ПС **j*: ПС **toj* > эн. *tō*-, т. нен. *to*- [Janhunen 1977: 164]; глагол 'быть закрытым' относится к числу стативно-декаузативных дериватов, для которых, как показано в [Гусев 2010], в ПС восстанавливается ауслуатный ПС **-w*¹. Такая форма причастного показателя после основ на глайд объясняется следующей цепочкой фонетических переходов:

ПС **-j/-w-ntā* > **-j/-w-tā* > **-0-tā* > л. эн. *-da*, т. нен. *-da*;

ПС **-j/-w-ntā-jā* > **-j/-w-tā-jā* > **-0-tā-jā* > **-0-te* > т. эн. *-de*.²

Учитывая все вышесказанное, следует предполагать, что каритивные глаголы в прасамодийском имели в исходе один из глайдов, что объясняет являющуюся атрибутивным каритивом форму причастного показателя с фрикативным эн. *δ*. Самодийские соответствия каритивных показателей (см. таблицу 3) позволяют в данном случае восстановить глайд ПС **j*:

¹ В нганасанском стативно-каузативные глаголы морфонологически ведут себя как основы, в которых последний слог является закрытым, что указывает на необходимость реконструкции финального согласного; в ненецком стативы-декаузативы относятся к классу так называемых альтерирующих глаголов [Salminen 1997: 81—83].

² В тундровом энецком (как и в нганасанском и селькупском) причастный показатель дополнительно осложнен атрибутивной морфемой ПС **-jā*.

Таблица 3. Глагольный и атрибутивный каритив: самодийские соответствия

ПС	нг.	т. нен.	л. эн.	камас.	мат.	т. эн.	сельк.
* <i>kaj</i>	- <i>kaj</i>	- <i>syø</i>	- <i>se</i>			- <i>se</i>	
* <i>kaj-ntā</i> > * <i>kaj-tā</i>		- <i>syøda</i>	- <i>seða</i>	- <i>žət</i>	- <i>gəsta/-kəsta</i>		
* <i>kaj-ntā-jδ</i> > * <i>kaj-tā-jδ</i>						- <i>seðe</i>	- <i>kətal'</i>

Материал, приведенный в таблице 3, требует некоторых этимологических комментариев.

1. Помимо того, что на наличие глайда косвенно указывает форма причастного показателя с т. нен. *d*, эн. *δ*, рефлекс глайда сохраняются в нг. -*kaj*, а также в маторском -*gəsta/-kəsta*: в маторском ПС **j* > *s/*___**T*, ср., например, *astā* ‘послать’ < ПС **ajtā*-, см. [Helinski 1997: 89].

2. В т. нен. представлен не вполне тривиальный рефлекс ПС **a*, ср.: ПС **kaj* > т. нен. -*syø*, но ПС **wāsa* ‘железо’ > т. нен. *yesya* (стандартный рефлекс). Т. Салминен [Salminen 2012: 348], однако, обращает внимание на то, что в ненецком и нганасанском для суффиксов с **a* характерно наличие двояких рефлексов — как *a*-образных, так и *i*-образных. В таблице 4 ниже приводятся рефлексы нескольких таких морфем в тундровом ненецком и нганасанском — и, для сравнения, в тундровом энецком, где рефлекс всегда одинаков:

Таблица 4. Рефлекс ПС **a* в непервых слогах

ПС	нг.		т. нен.		т. эн.
	<i>a</i> -образн. рефлекс	<i>i</i> -образн. рефлекс	<i>a</i> -образн. рефлекс	<i>i</i> -образн. рефлекс	
* <i>wāsa</i> ‘железо’	<i>basa</i>		<i>yesya</i>		<i>bese</i>
*- <i>psan</i> отглагольное имя с инстру- ментальным значением	- <i>bsa</i> ^N	~ - <i>bsi</i> ^N	- <i>bcyah</i>	~ - <i>bcyøh</i>	- <i>t'e?</i>
*- <i>kaj</i> каритив	- <i>kaj</i>			- <i>syø</i>	- <i>se</i>
*- <i>sa</i> инфинитив	- <i>sa</i>	~ - <i>sĭ</i>		- <i>syø</i>	-(<i>s</i>) <i>e</i>
*- <i>mpaw</i> имперфектив			- <i>mpø</i> < *- <i>mpyø</i>		- <i>be</i>

Таким образом, и энецкий показатель глагольного каритива -*se*, и производный от него с помощью показателя имперфективного причастия показатель атрибутивного каритива имеют вполне надежную самодийскую этимологию. Что можно сказать о показателе адвербиального каритива -*šudi?*? Для того, чтобы установить его исходную структуру, необходимо рассмотреть образование адвербиального каритива в других самодийских языках. В нганасанском есть еще один показатель атрибутивного каритива -*kalī*. Его ближайшим соответствием является селькупский показатель адвербиального каритива -*kalə-k*. Селькупский и нганасанский каритивы имеют разные синтаксические функции: нганасанский — атрибутивную, селькупский — адвербиальную; при этом селькупский показатель по сравнению с нганасанским морфологически сложнее: он дополнительно содержит в исходе морфему -*k* — показатель, оформляющий в селькупском формы с адвербиальной функцией, ср. *esə* ‘отец’ > *esə-k* ‘по-отцовски, отечески’. Таким образом, сопоставление родственных каритивных форм селькупского и нганасанского языков показывает, что морфологически адвербиальная форма образована от атрибутивной при помощи адвербиализатора -*k*.

В ненецком адвербиальный каритив -*syiq* также образован с использованием адвербиального показателя (-*q*). Этот адвербиальный показатель представлен во всех северносамодийских языках, и его присоединение вызывает в этих языках перегласовку предшествующего гласного³. С высокой вероятностью в ненецком при образовании каритивной формы -*syiq* можно реконструировать процесс типа ПС **a* > ПС **i* в позиции перед суффиксом-адвербиализатором. Ср., например, схожий морфонологически обу-

³ Перегласовка — процесс, вообще крайне характерный для ненецкой и, шире, северносамодийской морфонологии, но ее наличие в данном случае ставит под сомнение возможность прямого отождествления этого адвербиализатора с селькупским адвербиализатором -*k*.

словленный переход ПС **a* в *i* перед другим суффиксом, восходящим к шумному согласному ПС **-s*: нен. *ηodya* ‘ягода’ (< ПС **(w)ota*) > нен. *ηodyitə-* (*ηodya* + *s* + *tə-*) ‘иметь ягоды, быть ягодным’⁴.

С учетом сказанного про селькупский и ненецкий энцкую адвербиальную каритивную форму *-śudi?* можно аналогичным образом интерпретировать как образованную от атрибутивной при помощи прасверносамодийского адвербиализатора. (В энцком этот суффикс также прибавляется к атрибутивным формам и также вызывает перегласовку предыдущего гласного, ср. *ηuulio* ‘единственный’ > *ηuulii?* ‘единожды’.) Тогда адвербиальная каритивная форма должна восходить к атрибутивной форме типа эн. **-śude*. В этой гипотетической форме *-de* естественно рассматривать как показатель причастия — так же, как в форме общесамодийского атрибутивного каритива, причем его форма — с фрикativным, а не смычным согласным — также указывает на предшествующий причастному показателю глайд, которым может быть **j*, как в форме общесамодийского атрибутивного каритива ПС **-kaj-ntā(-jā)*, но может быть и **w*. Во втором случае мы ожидали бы праформы (возможно, более локальной, не общесамодийской) типа **-kaw-ntā(-jā)*.

Оказывается, что в маторском, помимо каритивного суффикса *-gəsta/-kəsta*, восходящего к ПС **-kaj-ntā(-jā)*, есть еще один каритивный суффикс, *-gəda/-kəda*, который можно возвести к праформе **-kaw-ntā(-jā)* и только к ней. А именно, если бы мы предполагали праформу без глайда, этот показатель каритива в маторском выглядел бы как **-gənda/-kənda*. Одиночный дентальный в маторском мог появиться только под воздействием предшествующего глайда (который вызывает падение начального *n* в причастном показателе как согласного, который оказывается срединным в образовавшемся трехслогном кластере). В маторском это не может быть глайд ПС **j*, так как ПС **j* дает в этой позиции мат. *s*, как в каритивном маторском суффиксе *-gəsta/-kəsta*. Соответственно, в каритивном маторском суффиксе *-gəda/-kəda* мог выступать только прасамодийский глайд **-w*.

Таким образом, можно предположить, что энцкий адвербиальный каритив *-śudi?* (< **śude*) и маторский каритив *-gəda/-kəda* восходят к единой праформе **-kaw-ntā(-jā)*. Глайд **w* может объяснить также лабиальный гласный в энцком показателе. Аналогичное фонетическое развитие сочетания **Vw* в огубленный гласный представлено в энцком в классе стативно-декаузативных глаголов, суффиксом которых является именно ПС **-w*. Как видно из таблицы 5, рефлекс с лабиальным гласным характерен для многих стативно-декаузативных глаголов северносамодийских языков (при этом одни и те же глагольные основы в разных северносамодийских идиомах могут давать разные рефлексы сочетания финального гласного основы с показателем статива-декаузатива ПС **-w*, см. таблицу 5):

Таблица 5. Вокализм второго слога в стативно-декаузативных дериватах лесного энцкого и тундрового энцкого в сопоставлении с другими северносамодийскими языками⁵

	нг.	т. эн.	л. эн.	нен.
‘вырасти’	<i>bədua^C</i> - < <i>bətu-</i>	<i>baðe-</i>	<i>baðe-</i>	<i>wadyo-</i>
‘сидеть’	<i>ηomtū^C</i> - < <i>ηomtə-</i>	<i>adu-</i>	<i>adi-</i>	<i>ηamtyo-</i>
‘спать’	<i>kundua^C</i> - < <i>kuntu-</i>	<i>kodu-</i>	<i>kodi-</i>	<i>xonyo-</i>
‘быть опрокинутым’	<i>bəbtua^C</i> - < <i>bəbtu-</i>	<i>bati-</i>	<i>bati-</i>	<i>wabtyo-</i>
‘быть закрытым’	<i>təlū^C</i> - < <i>tələ-</i>	<i>toru-</i>	<i>toru-</i>	<i>tələ-</i>
‘быть видимым’	<i>ηətu^C</i> - < <i>ηətə-</i>	<i>odi-</i>	<i>odi-</i>	<i>ηodyo-</i>
‘лежать (об олене)’	<i>bənū^C</i> - < <i>bənə-</i>	<i>banu-</i>	<i>banu-</i>	<i>waqno-</i>
‘быть открытым’	<i>biari-</i> < <i>biarə-</i>			
‘стоять’	<i>nənd’i-</i> < <i>nənsu-</i>			
‘быть положенным’		<i>punu-</i>		<i>penyo- ~ penə-</i>

⁴ В ненецком адвербиальный каритив *-syiq* оказывается образован не от атрибутивного, а от глагольного. Использование этого суффикса при собственно глагольных основах не характерно для ненецкого, как и для других самодийских языков, хотя можно обнаружить единичные примеры типа нен. *wic^oq* ‘с трудом’ < нен. *wica-* ‘тянуться, стараться’. Это дополнительно ставит вопрос о том, какова была в прасамодийском исконная синтаксическая характеристика формы глагольного каритива, ср. нг. *-kaj*, имеющее не глагольные употребления. Возможно, включение ее в собственно глагольную парадигму является несколько более поздним процессом — впрочем, все равно достаточно давним, учитывая, что образованные от нее причастные формы, использующиеся в функции атрибутивного каритива, характерны абсолютно для всех самодийских языков, кроме, опять-таки, нганасанского.

⁵ U-образные рефлексы сочетания финального гласного производящей основы с суффиксом статива-декаузатива ПС **w* выделены полужирным шрифтом.

Можно видеть, что в целом стативно-декаузативные дериваты не дают полностью регулярных соответствий внутри самодийских языков: наиболее последовательная картина наблюдается в нганасанском: производящие нганасанские *и*-основы (< ПС **ā*-основы) дают стативно-декаузативные дериваты на нг. *-ua^C* (впрочем, ср. *nənd'i- < nənsu-* — однако нельзя исключать, что в этом случае нг. *и* не восходит к ПС **ā*), а производящие нганасанские *ə*-основы (< ПС **ə*-основы) дают стативно-декаузативные дериваты на нг. *-i^C* (впрочем, ср. *biari- < biarə-*, а также трехсложные основы типа *d'ubəi-* 'лежать' < *d'ubəə-* 'бросить', в которых нг. *ə* производящей основы переходит в стативно-декаузативном деривате в нг. *i*). В ненецком и энецком эта система явно разрушена: мы видим а) непоследовательные соответствия ненецкого и энецкого нганасанскому, б) непоследовательные соответствия энецкого ненецкому, в) непоследовательные соответствия тундрового энецкого лесному, г) вариативность формы стативно-декаузативного деривата от одной и той же основы в ненецком. Применительно к энецкому для обсуждения этимологии каритивного показателя *-šudi?* существенно, что сочетание ПС **V_w* может давать эн. *и* вне зависимости от качества **V*.

Альтернативным решением, также возможным с точки зрения исторической фонетики и для энецкого, и для маторского (но выглядящим все же менее привлекательно), было бы считать, что два рассматриваемых показателя каритива — **-kaj-ntā(-jə)* и **-kaw-ntā(-jə)* — обладают меньшим параллелизмом, и реконструировать во втором случае показатель типа **-küw-ntā(-jə)*.

Сокращения

камас. — камасинский
л. эн. — лесной энецкий
мат. — маторский
нг. — нганасанский
нен. — ненецкий
ПС — прасамодийский
сельк. — селькупский

т. нен. — тундровый ненецкий
т. эн. — тундровый энецкий
эн. — энецкий
Aor — аорист
CaritAdv — адвербиальный каритив
s3 — 3 л. ед. ч. субъектного спряжения

Глоссы

3 — 3 лицо
ADJ — прилагательное
CAR — каритив
EMPH — показатель с эмфатическим значением
PERF — перфект

PL — множественное число
PST — прошедшее время
PTCP/IPF — имперфективное причастие
RU — русское слово, употребленное в энецком примере
SG — единственное число

Литература

- Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике / Ред. С. И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 54—65.
- Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб, 2010.
- Guszev, Urmancsijeva 2018 — V. Guszev, A. Urmancsijeva. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyeiben // Általános nyelvészeti tanulmányok. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. o.
- Helinski 1997 — E. Helinski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia uralo-altaica 41). Szeged, 1997.
- Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki, 1997.
- Salminen 2012 — T. Salminen. Traces of Proto-Samoyed Vowel Contrasts in Nenets // Per Urales Ad Orientem. Iter Polyphonicum Multilingue. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen På Hans Sextioårsdag Den 12 Februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 264)/Eds. T. Hyttiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, E. Sandman. Helsinki, 2012. P. 339—358.
- Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 267). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.

References

- Gusev 2010 — *V. Yu. Gusev*. Stativy i dekauzativy na *-w v samodijskikh yazykakh. In: *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii po samodistike* / Red. *S. I. Burkova*. Novosibirsk, 2010. S. 54—65. {*V. Yu. Gusev*. Statives and decausatives on *-w in Samoyedic languages. In (ed.). *Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology* / Ed. *S. I. Burkova*. Novosibirsk, 2010. P. 54—65.}
- Guszev, Urmancsijeva 2018 — *V. Guszev, A. Urmancsijeva*. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyecben. In: *Általános nyelvészeti tanulmányok*. 2018, XXX: *Uralisztikai tanulmányok*. 157—164. o.
- Helinski 1997 — *E. Helinski*. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (*Studia uralo-altaica* 41). Szeged, 1997.
- Janhunen 1977 — *J. Janhunen*. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (*Castrenianum Toimituksia*, 17). Helsinki, 1977.
- Salminen 1997 — *T. Salminen*. Tundra Nenets Inflection (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 227). Helsinki, 1997.
- Salminen 2012 — *T. Salminen*. Traces of Proto-Samoyed Vowel Contrasts in Nenets. In: *Per Urales Ad Orientem. Iter Polyphonicum Multilingue. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen På Hans Sextioårsdag Den 12 Februari 2012* (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 264) / Eds. *T. Hyytiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, E. Sandman*. Helsinki, 2012. P. 339—358.
- Siegl 2013 — *F. Siegl*. Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 267). Helsinki, 2013.
- Sorokina 2010 — *I. P. Sorokina*. Enetskij yazyk. SPb, 2010. {*I. P. Sorokina*. The Enets language. St. Petersburg, 2010.}